Л. М. Глускина

АРЕНДА ЗЕМЛИ В АТТИКЕ IV в. до н. э.

В последние годы не только у нас, но и за рубежом значительно возрос интерес к социально-экономическим проблемам истории древней Греции. Появился ряд специальных исследований на эти темы. Большое внимание уделяется Аттике IV в. до н. э., в особенности кардинально-важному и вызывающему с давних времен споры вопросу о земельных отношениях, о существовании или отсутствии факта концентрации земли и обезземеливания в связи с этим аттического крестьянства¹. Наряду с сохранением по этим вопросам прежних крайних позиций, подкрепляемых более или менее новой аргументацией, все более утверждается умеренная точка зрения, признающая тенденцию к концентрации земли, но отрицающая катастрофический характер этого явления и его роль как решающего фактора в прогрессирующем упадке Афинского государства².

При всей важности вопроса о размерах земельной собственности, ее распределении и хозяйственном использовании, для решения проблемы в целом требуется выяснить и то, как эксплуатировались земельные владения в социальном плане: кто и на каких условиях обрабатывал земли, принадлежавшие афинским гражданам? Как в этой важнейшей области афинской экономики взаимодействовал труд граждан, рабов и свободного негражданского населения? Поскольку полис был прежде всего и в основе своей коллективом граждан-землевладельцев³, эволюция связанных

¹ J. A. Fine, *Horoi*, *Hesper.*, Suppl. IX (1951); M. Finley, *Studies in Land and Credit in Ancient Athens* 500—200 B. C. *The Horos-Inscriptions*, N. Y., 1952; он же, *Land, Debt and the Man of Property in Classical Athens*, *Pol. Sc. Qu.*, 68 (1953), 2, стр. 249—268 (об этих работах см. Л. М. Глускина, *Новые работы по истории земельных отношений и кредита в древней Аттике*, ВДИ, 1957, № 4, стр. 154—167); В. Н. Андреев, *Вопрос о концентрации земли и обезземелении крестьянства в Аттике IV в. до н. э.*, «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 164 (1958), стр. 59—88; он же, *Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э.*, ВДИ, 1959, № 3, стр. 121—146; J. Pečírka, *Land Tenure and the Development of the Athenian Polis*, «Acta Universitatis Carolinae Philosophica et Historica Graecolatina Pragensia», 1963, стр. 183—201.

² См., например, рецензию (А. Бергер, А. Болтунова, С. Ковалев, Н. Мерперт) на «Всемирную историю», т. II — ВДИ, 1957, № 3, стр. 173—174; Claude Mossé, *La fin de la démocratie athénienne*, P., 1962, стр. 39—54, 66—67.

³ Как хорошо известно, в Аттике IV в. до н. э. среди граждан, не имевших земельных владений, были не только бедняки, но и люди весьма состоятельные. В комедии Аристофана, поставленной в 392 г. до н. э., говорится, с одной стороны, о неравенстве в распределении земли — у одного ее много, у другого — нет даже на могилу (Ессл. стт. 590—592), а с другой, — упоминается богат, у которого много денег, но совсем нет земельных владений (там же, стт. 600—602). Наглядным примером несколько более позднего периода является состав имущества, оставленного отцом оратора Демосфена. Оно по самым скромным подсчетам оценивалось не менее чем в 10 талантов, но не включало ни одного земельного участка (D e m., XXVII, 9—11). Хотя ораторы IV в.

на Лемносе, со ссылкой на аналогичные саламинские установления⁷. Напротив, сдача наделов в аренду предписывалась клерухам, выведенным в конце VI в. до н. э. в Халкиду на о. Евбее⁸ и в Митилену после подавления там мятежа в 427 г. до н. э. (Thuc., III, 50, 2). Сами факты запрета или разрешения аренды, чем бы они ни были вызваны, свидетельствуют о существовании этой формы эксплуатации земли. В то же время следует отметить, что у нас нет более ранних сведений об аренде частновладельческой земли в самой Аттике⁹, чем последняя четверть V в. до н. э.

Начиная с конца V в. до н. э., число упоминаний об аренде частных земель возрастает¹⁰. К сожалению, почти не сохранилось документальных источников, а литературные свидетельства раскрывают далеко не всю картину связанных с арендой отношений.

В так называемых Аттических стелах, свидетельствующих о продаже конфискованного имущества гермокопидов (415—413 гг. до н. э.)¹¹, упоминаются в числе других и суммы, полученные государством от сданных в аренду домов и земельных участков осужденных¹². Издатель текстов Притчетт предполагает, что здесь речь идет о суммах, вырученных полетами от сдачи государством в аренду конфискованного имущества до его продажи¹³. Однако представляется более вероятным, что речь идет об имуществе, которое сдано было в аренду еще его владельцами, но после конфискации арендная плата была взыскана в пользу государства. Имущество ряда упоминаемых в стелах лиц состояло из нескольких домов и земельных участков, расположенных в различных частях Аттики¹⁴. Наблюдать самому за ведением хозяйства в этих условиях было бы затруднительно. В то же время даже при фрагментарном состоянии стел бросается в глаза сравнительно небольшое число рабов в перечне конфискованного иму-

щества. Тогда еще свежи были в памяти кабальные условия аренды досолоновского периода. Но, уже начиная с Клизфена, входит в практику сдача земли в аренду афинскими клерухами, как было после завоевания Халкиды в 506/5 г. до н. э.

⁷ IG, II/III², 30 = SEG, III 73; С. Я. Лурье (S. Lurija, Die lemnische *ἀπογραφή*, ДРАН (1924), стр. 130—133) полагает, что в IV в. до н. э. сдача клерухами земли в аренду была обычной практикой, и что запрет это делать на Лемносе объяснялся специфическими условиями 80-х годов IV в. до н. э. (надпись относится к 386/5 г.).

⁸ Her., V, 77; Ael., V. N., VI, 1.

⁹ Это, разумеется, не относится к государственным и общественным землям. Поскольку в Аттике никогда не было организованного государственного хозяйства типа древневосточных, общественные земли, по-видимому, и до V в., для которого у нас имеются прямые свидетельства источников (B. D. Merritt, Attic Inscriptions of the Fifth Century, Hesp., XIV (1945), стр. 85—86, № 4 = SEG, X, 26), использовались путем сдачи их в аренду.

¹⁰ Примечательно, что когда Плутарх (Per., 16) сообщает о методе ведения хозяйства Периклом, который стремился полностью освободить себя от хозяйственных забот, сдача земли в аренду не фигурирует. Делами ведал доверенный раб, весь урожай продавался, а нужное для дома покупается на рынке. В IV в. до н. э. при подобных обстоятельствах скорее всего прибегли бы к аренде.

¹¹ Все известные сейчас фрагменты этих стел изданы с подробным комментарием: W. K. Pritchett, D. A. Amyx, The Attic Stelai. Hesp., XXII (1953), 4, стр. 225—299; XXV (1956), 3, стр. 178—322; XXVII (1958), 3—4, стр. 163—310; XXX (1961), 1, стр. 23—29; IG, I², 325—326; SEG, X, 328. Русский перевод стел дан в приложении к книге: Э. Д. Фролов, Социально-политическая борьба в Афинах V в. до н. э., Изд-во ЛГУ, 1964, стр. 92—118 и 120—122.

¹² Упоминания об арендованном имуществе имеются в стеле II, стб. III, сткк. 172—174 (Hesp., XXII (1953), 4, стр. 252) и в стеле VI, сткк. 110—120 (там же, стр. 273).

¹³ Притчетт (Hesp., XXV (1956), стр. 275) пишет, что цены на продаваемое имущество были недоступны беднейшим афинянам, но они могли арендовать его. Ср. Фролов, *соч.*, стр. 134, прим. 22.

¹⁴ Так, например, имущество Ферекла, сына Ференика, из дема Фемак (стела VI, сткк. 93—109); имущество Эвфилета, сына Тимофея, из дема Кидатены (стела X, сткк. 14 сл.); имущество Адиманта, сына Левколофида, из дема Скамбониды (стела VI, сткк. 55—57; 66—67; стела X, сткк. 10—11); ср. стелу II, стб. I, сткк. 80—90; стб. IV, сткк. 310 сл.; стелу V, стб. I, сткк. 24—29; стелу VII, стб. II, сткк. 70—80.

щества. Вряд ли можно считать случайным, что из упоминаемых в стелах рабов наибольшее относительно число (16 из 45) падает на метека Кефисодота (стела I, сткк. 33—49), у которого, естественно, не было и не могло быть земельных владений. При обычном перечне имущества рабы, занятые на сельскохозяйственных работах или в домашнем хозяйстве, могли особо и не указываться¹⁵. Однако в таких документах, как Аттические стелы, где перечисляются все продаваемые предметы вплоть до мелочей, такой пропуск абсолютно исключен. Поэтому правомерен вывод, что владельцы земельных участков, не имевшие или имевшие мало рабов, скорее всего извлекали доходы от своих земель путем сдачи их целиком или частично в аренду¹⁶. Это тем более вероятно, если учесть разбросанность земельных владений и активное участие осужденных в политической жизни страны.

Таким образом, аренда частных земель засвидетельствована в Афинах конца V в. до н. э. К сожалению, ничего, кроме самого факта аренды, стелы нам не сообщают¹⁷.

Недвусмысленное и чрезвычайно любопытное свидетельство об аренде земли содержится в VII речи Лисия, датируемой 90-ми годами IV в. до н. э. В ней сообщается о судьбе земельного участка на протяжении почти двух десятилетий. Некогда он принадлежал известному политическому деятелю олигархического толка Писандру. После конфискации его имущества участок в течение трех лет не обрабатывался¹⁸. Затем его получил в дар от Афинского государства Аполлотор из Мегар¹⁹. Незадолго до правления Тридцати Аполлотор продал землю некоему Антиклу, который

¹⁵ Ср. Л. М. Г л у с к и н а, Имущественные отношения и рабство в Аттике IV в. до н. э. по речам Исея, Сб. памяти ак. А. И. Тюменева «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», М.—Л., 1963, стр. 227—232; Э. Л. К а з а к е в и ч, Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н. э., ВДИ, 1958, № 2, стр. 93, 108 и прим. 13; R. L. S a r g e n t, The Size of the Slave Population at Athens During the Fifth and Fourth Century B. C. University of Illinois Studies in the Social Sciences, XII (1924), стр. 75.

¹⁶ Моссэ (ук. соч., стр. 49, 54 сл.) полагает, что владельцы крупных поместий использовали труд рабов или свободных наемных работников, рекрутировавшихся час-точно из рядов афинян, продавших свои земельные участки. Однако постулируемая автором картина аттического земледельца, возделывающего прежде принадлежавший ему участок в качестве наемника нового владельца, слишком драматична, чтобы она могла ускользнуть от внимания афинских ораторов и публицистов. Между тем ни один из них не упоминает подобного факта.

¹⁷ Кое-где сохранились суммы, взысканные с арендаторов конфискованного имущества: 10 155 драм 3 обола (стела II, стб. IV, сткк. 172—174), 60 драм за дом и 350 драм за земельный участок (стела VI, сткк. 113—115), 1632 драммы 5 оболов, 1634 драммы 2 обола, 250 драм, 162 драммы, 4 обола (стела VI, стк. 116—120). Встречающиеся здесь большие суммы, очевидно, являются общим итогом, получившимся в результате сложения нескольких сумм. Имена бывших владельцев этого имущества несколько раз упоминаются в стелах в связи с продажей различных объектов.

¹⁸ L u s., VII, 6... τὸ αὐτὸ τὸ χωρίον ἐν τῷ πολέμῳ δήμευθὲν ἀπρακτὸν ἦν πλέον ἢ τρία ἔτη.

Некоторые издатели, которым следует и С. И. Соболевский в своем переводе (Лисий, Речь, Асад. 1933, стр. 106), принимают рукописный вариант *ἀπρακτὸν*, что дает несколько иной смысл — «... этот участок... оставался непроданным с лишком три года». Мне представляется более приемлемым первый вариант, также представленный в рукописях. Если государство из-за условий военного времени не могло найти покупателя, участок можно было бы сдать в аренду. Клиент Лисия пытается снять выдвинутое против него обвинение, будто он срубил росшую на участке священную маслину. Ему важно подчеркнуть, что эта земля в течение ряда лет вообще не возделывалась, тогда кто-либо и мог срубить оливу — в чем обвиняли ее нынешнего владельца.

¹⁹ Предоставление земельного участка мегарцу Аполлотору могло состояться лишь после того, как ему за участие в убийстве олигарха Фриниха (409 г. до н. э.) даровали гражданские права (L u s., XIII, 71—72). Таким образом, перечисляемые у Лисия операции с землей относятся к последнему десятилетию V в. и к первому десятилетию IV в. до н. э.

сдал ее в аренду (§ 4). Уже после заключения мира этот участок купил клиент Лисия. Менее чем через пять дней после покупки (*ἐπειδὴ δ' ἔγωγε παρέλαβον τὸ χωρίον πρὶν ἡμέρας πέντε γενέσθαι ...*) он сдал землю Каллистрату (при архонте Пифодоре, т. е. в 404/403 г.). Два года участок обрабатывал Каллистрат, на третий год аренда была передана Деметрию, на четвертый — вольноотпущеннику Антисфена Алкию²⁰, а после его смерти землю получил в аренду Протей (§ 9—10). Наконец, земельный участок взял в свои руки сам владелец (§ 11 — *αὐτὸς γεωργῶ*).

Перед нами любопытная картина земельных отношений. Участок легко и быстро переходит из рук в руки. За короткое время он сменил трех владельцев и еще большее число арендаторов. Правда, владение это не исконное, не наследственное и на него не распространялись предполагаемые традиционные ограничения, связанные со стремлением сохранить в целостности *οἶκος*²¹. Но характерно, что никаких оговорок подобного рода в речи нет, и факты излагаются как обычные в практике. Весьма вероятно, что и Антикл, купивший землю у Аполлодора, и — бесспорно — клиент Лисия, купивший землю у Антикла, имели и другие земельные владения²². Оба они сразу же после покупки сдают участок в аренду, а затем продают его. Хотя продажа никак не мотивируется, из контекста можно заключить, что не нужда была причиной этого. У владельцев были другие источники доходов. Краткосрочность аренды — один-два года²³ — и частая смена арендаторов, возможно, связаны с условиями послевоенной разрухи. За столь краткие сроки, естественно, никакие улучшения в хозяйство не могли быть введены. Неизвестно, менялись ли арендаторы по их желанию или по требованию землевладельца²⁴. Неясен и социальный состав арендаторов. Они называются просто по имени, без указания отчества, дема. Только в одном случае арендатор обозначен как вольноотпущенник (§ 10: *τῷ δὲ τετάρτῳ Ἀλκίῳ Ἀντισθένους ἀπελευθέρῳ ἐμισθώσα* — на четвертый год я сдал в аренду (земельный участок) Алкию, вольноотпущеннику Антисфена). Все лица, арендовавшие злополучный участок, перечисляются в качестве возможных свидетелей. Алкий же умер к моменту процесса, и в случае необходимости его бывший господин, если

²⁰ Lys., VII, 10: *τρίτῳ δὲ ἔπειτα Δημήτριος ὄψομαι εἰργάσατο ἐμισθῶσά τῳ δὲ τετάρτῳ Ἀλκίῳ Ἀντισθένους ἀπελευθέρῳ ἐμισθώσα...*

²¹ Lys., XIX, 37; (D e m.) XLIII, 72; ср. Р е ъ і г к а, ук. соч., стр. 192—193; З е л ь и н, ук. соч., стр. 218—221.

²² Lys., VII, 24: *ἐν ταῖς ἄλλαις ταῖς ἐμοῖς χωρίοις* — в других моих земельных владениях. Неопытно, чем вызвано утверждение Сарджент (ук. соч., стр. 73 сл.), что клиент Лисия был раньше богат, а теперь владеет лишь одним земельным участком.

²³ Жардэ (A. J a r d é, *Les céréales dans l'antiquité grécque*, *Bibl. des Ec. Fr.* 130, P., 1925, стр. 81 сл.) на основании того, что половину пашни принято было оставлять под паром, заключил, что землю сдавали в аренду всегда на четное число лет. Это соответствует известным нам срокам аренды общественных земель — 10, 20, 40 лет (IG, II/III², 1241, 2492, 2493, 2498, и др.; A r i s t., *Ath. Pol.* 47, 4), но не подтверждается данными об аренде частных владений.

²⁴ Характерно, что в этом рассказе о судьбе земельного участка нет и намека на какие-либо затруднения владельца при сдаче земли в аренду. По-видимому, всегда находились желающие взять участок в обработку. И в другой речи Лисия (XVIII, 5, 8) афинянин, захвативший земельный участок своего должника, сразу же сдает его в аренду. Губер (O. H u b e r, *Die wirtschaftlichen Verhältnisse Athens von Ende des Peloponnesischen Krieges bis zum Königsfrieden*, *Diss., Münch.*, 1939, стр. 59) полагает, что краткие сроки аренды были в интересах собственника, который ищет того, кто ему выгоднее, и споняет с земли арендатора, не соответствующего этим условиям. Но в источниках нет ничего, что подтверждало бы это предположение. Ближе к истине, по-видимому, Жардэ (ук. соч., стр. 116), который ставит вопрос о том, почему клиент Лисия (VII, 9—11) после семи лет аренды берет хозяйство в свои руки, и отвечает: «либо он считал, что землю плохо обрабатывали, либо, наоборот, — что арендатор слишком обогащался. Оба объяснения одинаково правомерны (*Les deux explications se valent*)».

сохранял какие-то связи со своим прежним рабом²⁵, мог дать показания или хотя бы подтвердить факт аренды. В данном процессе — и это было важно — если владелец участка все эти годы сам не занимался хозяйством, он не мог быть виновным в уничтожении росшей там некогда священной маслины. Не исключена возможность, что и другие арендаторы, названные просто по имени, тоже не были гражданами, но в других случаях не было надобности говорить об этом. Дело в том, что в источниках V и IV в. до н. э. мы редко встречаем упоминания о гражданах, арендующих землю у частных лиц²⁶. Когда Сократ у Ксенофонта дает советы разорившимся из-за войны афинянам, каким образом поправить их материальное положение, выясняется, что афинский гражданин предпочитает работать физически за плату (τῶι σφίρατι ἐργάζομενος... μισθοῦ τὰ ἐπιστήματα ἐργάζεσθαι), чем наняться управляющим к какому-либо богатому афинянину. Последнее представляется ему рабским занятием, недостойным свободного человека²⁷. Можно полагать, что сходное отношение было и к аренде земли у частных лиц. Известные нам упоминания о конкретных случаях аренды частной земли говорят о гражданах, сдающих в аренду, а не берущих в обработку чужие владения²⁸. Правда, в общей форме заявления о гражданах-арендаторах земли встречаются, и нельзя огульно отрицать наличие таких лиц среди арендующих чужую землю. Но это было, по-видимому, выражением крайней нужды, заставлявшей порой беднейших граждан изыскивать средства к жизни, занимаясь «рабскими делами»²⁹. Граждане, арендующие участки земли у других граждан, в Афинах V—IV вв. до н. э. были исключением из правила³⁰. Это не распространяется на аренду сиротского имущества (так называемая μισθώσις οἴκων), в составе которого могли, разумеется, быть и земли. Но об этом речь будет ниже.

При обычной же аренде частной земли, кроме беднейших граждан, в роли арендаторов могли выступать вольноотпущенники и метеки, для ко-

²⁵ Ср. Л. М. Г л у с к и н а, О правовом положении афинских вольноотпущенников в IV в. до н. э., ВДИ, 1965, № 1, стр. 51 сл.

²⁶ Исократ в Ареопагитике (VII, 31—32), противопоставляя дурные нравы современных ему Афин золотой старине, говорит, что некогда существовали столь идиллические отношения между гражданами, что богатые помогали бедным, давая им в обработку землю за умеренную плату (οἱ τε τὰς οὐσίας ἔχοντες... τοῖς μὲν (sc. беднякам. — Л. Г.), γεωργίας ἐπὶ μετρίαισι μισθώσασι παραδίδοντες).

Отсюда как будто следует, что в период произнесения этой речи (50-е гг. IV в. до н. э.) в Афинах существовало недовольство бедняков высокой арендной платой. Но вряд ли можно всерьез принимать изобилующие риторическими преувеличениями рассуждения Исократ. Например, в § 35 той же речи говорится, что в прежние времена богачи одалживали деньги с большей радостью, чем получали их обратно. Как говорится, комментарии излишни.

²⁷ Х е п., Мемораб. II, 8, 1—4. — χαλεπῶς ἄν... δουλείαν ὑπορραίναι. Здесь трудно уловимое для современных представлений различие: работа, хоть и физическая, за плату не обязательно связана была с отношениями личной зависимости. По найму можно было работать и на государственном строительстве. Так, из надписей о строительстве Эреффейона и Элевсинского храма (IG, I², 373—374; II/III², 1672) видно, что, наряду с метеками и рабами, на строительстве работали и афинские граждане, получавшие поденную плату. Но одно — получать плату за конкретную работу у дане, получавшие поденную плату. Но одно — получать плату за конкретную работу у государства, другое — выполнять предписания частного лица и отчитываться перед государством. Функции управляющих обычно выполняли доверенные рабы или вольноотпущенники. Ср. P l u t., Пер. 16; Х е п., Осс. I, 5.

²⁸ L y s., VII, 4—11; XVII, 5, 8; I s a e., XI, 42; Х е п., Symp. VIII, 24; I s o c r., VII, 32.

²⁹ См. D e m. LVII, 34—35, 42, 45 (πολλὰ δουλικὰ καὶ ταπεινὰ πράγματα τοὺς ἐλευθέρους ἢ πενία βιάζεται ποιεῖν — «бедность вынуждает свободных людей выполнять многие рабские и унизительные занятия»). Ср. I s o c r., XIV, 48.

³⁰ О нежелании даже бедняка-гражданина обратиться к аренде земли у другого лица ср. G l o t z, Le travail dans la Grèce ancienne, P., 1920, стр. 304 сл.; о н ж е, L'Histoire ancienne, t. III, La Grèce au IVe siècle, P., 1936, стр. 40; С. Я. Л у р ь е, Движение свободных рабочих в древней Греции, «Уч. зап. ЛГУ» (1939), № 39, стр. 16.

торых это было единственной возможностью приобрести к земледелию. То, что вольноотпущенник-арендатор упоминается в VII речи Лисия мимоходом, как ничем не примечательный обычный факт, говорит о том, что арендаторы земли из бывших рабов были довольно распространенной категорией.

Это подтверждается анализом эпиграфических текстов, где перечисляются метеки и вольноотпущенники с указанием их профессий. Такого рода надписи дошли для двух различных периодов — конца V в. до н. э. и 30—20-х годов IV в. до н. э. Первая из них, сохранившаяся в сильно фрагментированном состоянии, содержит текст афинского декрета о награждении участников борьбы за восстановление демократии в конце V в. до н. э.³¹ Среди награжденных — бывшие рабы-вольноотпущенники и метеки, распределенные по группам в зависимости от характера получаемой награды: одни удостоились гражданских прав и распределены по филлам, другие получили какие-то льготы и привилегии. Нас сейчас интересуют прежде всего упоминаемые в надписи профессии награжденных. Из 69 человек, профессии которых читаются в списке, 17, т. е. около 25%, имеют непосредственное отношение к земледелию и сельскому хозяйству. Из них 10 обозначены как γεωργοί, в то время как другие определяются более узкой специализацией³². Обозначение γεωργος отнюдь не характерно для рабской профессии. Так назывались свободные земледельцы и землевладельцы, которые сами занимались хозяйством или принимали в нем более или менее активное участие³³. Так могли называть и занятых в земледелии рабов³⁴. Можно полагать, что среди упоминаемых в надписи о награждении героев Филы γεωργοί были не только сельскохозяйственные работники, но и арендаторы земли, для которых это занятие было постоянным и определявшим их профессиональный облик. Разумеется, невозможно точно определить, были ли они вольноотпущенниками или свободнорожденными метеками. Однако а priori вероятнее, что профессионально заниматься сельским хозяйством скорее могли бывшие рабы, прошедшие соответствующую школу в поместьях своих или чужих господ³⁵, чем не

³¹ IG, II/III², 40 = M. N. Tod, A Selection of Greek Historical Inscriptions II, 1948, № 100. Дополняющие надпись фрагменты были опубликованы в 1941 г. (A. E. Raubitschek, The Heroes of Phyle, Hesp., X (1941), стр. 284 слл.) и в 1952 г. (D. Hereward, New Fragments of IG II² 40, BSA, XLVII (1952), стр. 102 слл.). Сюда же относятся и IG, II/III², 2403.

³² См. Л. М. Глускина, Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н. э., ВДИ, 1958, № 2, стр. 76—77, табл. В число 17 я не включал двух μεθωτοι, которые были отнесены мною тогда к числу людей, занятых в сельском хозяйстве, поскольку это могли быть наемные работники, занятые в других областях, например на строительстве.

³³ Граждане — γεωργοί — неоднократно упоминаются в комедиях (Aristoph., Pax, 551 слл., 582 слл., 1318 сл.; Plut., 324 сл.). Известна — к сожалению, только по названию и цитатам — комедия Аристофана Γεωργοί (J. M. Edmonds, The Fragments of Attic Comedy, т. I, Leid., 1957, стр. 598—616). То же — у ораторов (Lys., I, 9—11, 22, 39; II, 15, 20—23; XX, 33; Dem., XVIII, 41; XIX, 314; XXXV, 32; Isa e., III, 39; Cp. Arist., Polit. 1319 a 6; Platon, Rep. 415 A—C, 420 E).

³⁴ Так, например, Xen. Oec. III, 10. Точно так же словом ἐργατης могли обозначать и свободного труженика ([Dem.] LIX, 50; Xen. Inst. Cyr. V, 4, 24; Aristoph., Acharn. 611) и раба ([Arist.], Oec. I, 1344a; Dem., XXXV, 32; Xen., Vect. IV, 5).

³⁵ Демосфен (LIII, 21) упоминает рабов, которые подрякались снать урожай фруктов или собрать зерновые в хозяйствах чужих господ. Очевидно, это была их специальность, ибо перечисляются только работы, связанные с сельским хозяйством (ἢ ὀπωρῶν πρίαιντο ἢ θεῖρος μεθωοῖντο ἐκθερίσαι ἢ ἄλλο τι τῶν περὶ γεωργίαν ἔργων ἀναρῶντο...). К таким рабам вполне подходит обозначение γεωργοί. О характере этих сделок см. F. Pringsheim, The Greek Law of Sale, Weimar, 1950, стр. 296, прим. 5; ср. Казакевич, Рабы как форма богатства..., стр. 106.

имевшие свободного доступа к земле приезжие метеки³⁶. Другие надписи, которые больше дают в интересующем нас плане и где речь бесспорно идет о вольноотпущенниках, относятся к 30-м или 20-м годам IV в. до н. э. Это знаменитые надписи о посвящении богине Афине серебряных фиал стоимостью в 100 драхм³⁷. Речь идет о группе вольноотпущенников, выигравших действительные или мнимые процессы против своих бывших господ (так называемые *dikaí apostasiou*) и посвятивших в честь этого фиалы Афине³⁸. Наряду с перечнем вольноотпущенников, имена которых стоят, как правило, в Nominativ'e и сопровождаются причастием *ἀποφυγών*, resp. *ἀποφυγούσα*, называются и имена их бывших хозяев, стоящие в Accusativ'e, что означает: «Такой-то выиграл процесс, возбужденный против него таким-то»³⁹. Рядом с именем каждого вольноотпущенника указывается дем, к которому он приписан, а в ряде случаев и его профессия⁴⁰. Из читающихся 140 обозначений профессий 81 относятся к мужчинам, 59 — к женщинам. Среди женских профессий нет ни одной, связанной с сельским хозяйством. Среди мужчин 11 γεωργοί и 2 ἀμπελουργοί. Это составляет 15,8% от общего числа, а если исключить виноградарей, то — 13,4%⁴¹. Это меньше, чем в рассмотренной выше надписи конца V в. до н. э., но там следует учесть специфические условия борьбы с тиранией Тридцати, при которой жестоко пострадало аттическое земледелие. Кроме того, возможно, что к демократам в Филу легче было бежать из расположенных вблизи нее сельских районов. Как бы то ни было, там большую роль мог играть элемент случайности. В надписях IV в., хотя они сохранились далеко не полностью, скорее можно надеяться найти соответствие объективному положению вещей. Так, вряд ли случайно, что подавляющее большинство женщин-вольноотпущенниц (47 из 59) занимались обработкой шерсти (ταλασιουργός)⁴². Это отнюдь не говорит, что таково было занятие большинства рабынь. Но правомерен вывод, что обработка шерсти была распространенным занятием рабынь, которое при благоприятных

³⁶ По своему правовому положению вольноотпущенники были близки к метекам, однако различие между свободнорожденными метеками и бывшими рабами существовало и отчетливо звучит в источниках, см., например, A r i s t., Polit., 1277в, 35 сл. — 1278 а, 1 сл.: οὐδὲ γὰρ μέτοικος οὐδὲ ξένος... οὐδὲ γὰρ οἱ δοῦλοι... οὐδ'οὐ ἀπαλευθέντες. Ср. Л. М. Г л у с к и н а, О правовом положении афинских вольноотпущенников, ВДИ, 1965, № 1, стр. 58—61.

³⁷ IG, II/III², 1553—1578 + D. M. L e w i s, Attic Manumissions, Hesp., XXVIII (1959), стр. 208—238.

³⁸ Так как надписи такого рода представляют собой уникальное явление и в источниках не упоминается обычай посвящения вольноотпущенниками фиал богине, для объяснения этих документов были выдвинуты различные гипотезы. См. M. N. T o d, Some Unpublished Catologi Paterarum Argentearum, BSA, VIII (1901/1902), стр. 197; W. L. W e s t e r m a n n, Two Studies in Athenian Manumission, JNES, V (1946), стр. 92; L e w i s, ук. соч., стр. 237 сл. Однако многое остается неясным до сих пор.

³⁹ Иногда в целой группе записей порядок меняется — имя вольноотпущенника стоит в Accusativ'e, а имя его бывшего господина в Nominativ'e. В этих случаях отсутствует слово *ἀποφυγών* (resp. *ἀποφυγούσα*), и фиалу богине посвящает господин, или упоминание о ней вообще отсутствует.

⁴⁰ Ввиду фрагментарного состояния надписей профессии читаются далеко не везде, где они первоначально стояли. Но в ряде случаев, где запись сохранилась полностью, профессия вольноотпущенника все же не обозначена, то ли по небрежности резчика, то ли из-за невозможности дать конкретное определение.

⁴¹ Поскольку речь идет о рабах, получивших свободу, представляется неправомерным замечание Вестерманна (W. L. W e s t e r m a n n, The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity, Philad., 1955, стр. 13), что число профессий, связанных с сельским хозяйством, поразительно мало (is surprisingly small). К нему присоединяется и Моссэ (ук. соч., стр. 55, прим. 3).

⁴² Вестерманн (The Slave Systems..., стр. 13, прим. 26) справедливо замечает вслед за Тодом, что *ταλασιουργός* следует понимать в более широком смысле, чем «прядильщицы шерсти».

условиях давало им возможность скопить необходимые для выкупа свободы деньги. Профессии мужчин более разнообразны. Однако и там можно вывести некоторые закономерности. Поскольку речь идет о бывших рабах, выкупившихся на свободу, профессии вольноотпущенников говорят о занятиях, давших возможность это осуществить. Вряд ли раб, занятый на повседневных обычных работах в поместье своего господина, имел такую возможность⁴³. Выкупившиеся на свободу *γεωργοί* — это или квалифицированные работники, подряжавшиеся с согласия своего хозяина выполнять за плату какие-то временные сельскохозяйственные работы у чужих людей и пользовавшиеся некоторой самостоятельностью, хотя и под контролем (ср. Dem., LIII, 21), или доверенные рабы, управлявшие хозяйством своих господ и сумевшие скопить деньги для выкупа⁴⁴. Что касается специалистов по виноградарству, то, как видно из надписи об аренде земли у дема Эксоне (IG, II/III², 2492, сткк. 17—18), такие специалисты приглашались для консультации, разумеется, за плату. По-видимому, их познания высоко ценились.

Две другие профессиональные категории, широко представленные наряду с *γεωργοί*, это специалисты по кожевенному делу (их всего 14) и люди, занятые в торговле. Последних всего больше, они составляют более 25% всего числа (22 из 81). Разумеется, эти данные не показательны для характеристики отраслей хозяйства, в которых преимущественно были заняты рабы⁴⁵. Но то, что среди рабов, выкупившихся на свободу, значительная группа была занята в сельском хозяйстве, показывает, что роль самостоятельного или полусамостоятельного труда рабов в этой отрасли афинской экономики IV в. до н. э. была значительно выше, чем обычно принято думать. А выкупившись на свободу, эти бывшие рабы, хорошо владевшие умением возделывать аттическую землю, составляли готовые кадры потенциальных арендаторов земли. Среди метеков, приезжавших в Афины из других областей с готовыми профессиональными навыками, а *ργιοί* можно предполагать лишь небольшой процент людей, связанных с сельским хозяйством⁴⁶.

Наличие значительной группы вольноотпущенников в Афинах IV в., занимавшихся преимущественно сельским хозяйством, делало сдачу земли

⁴³ Финли (Land and Credit..., стр. 73), обратив внимание, что на закладных камнях — *ηγοί* — рабы никогда не упоминаются в связи с земельной собственностью, хотя постоянно называются при закладе эргастериев, заключил отсюда, что рабы не может быть принят. Ср. Г л у с к и н а, Новые работы..., стр. 166, прим. 46.

⁴⁴ В приписываемом Аристотелю экономическом трактате ([Arist.], Oec. I, 1344a) рабы делятся на две группы — работники и надзирающие за работами (*δοῦλων δὲ εἶδη δύο ἐπιτροπὸς καὶ ἐργάτης*).

⁴⁵ Так, например, здесь нет ни одной профессии, связанной с работой в рудниках, хотя там по всеобщему признанию, трудилась масса афинских рабов. Правда, издатели IG² дополняют в надписи 1558, сткк. 51—52: *ἐκ τῶν ἐργ(αζομένων) ἐπὶ Σου(ιω) οἰκ(ούτων)*, или *ἐκ τῶν ἐργ(αστηρίων) ἐπὶ Σου(ιω) οἰκ(ούτων)*, полагая, что это бывший раб из рудников (ср. A. W. Gomme, The population of Athens, Oxf., 1933, стр. 42, прим. 6). Однако Льюис (ук. соч., стр. 231), сличивший текст с камнем, читает не *Σου(ιω)*, а *Κου(ι)* дополняет: *ἐκ τῶν ἐργ(αζομένων) ἐπὶ Κου(οσάρχει) οἰκ(ούτων)*, полагая, что это строительный рабочий, который жил и работал в Киносарге. Хозяин его жил неподалеку, в Алопеке.

⁴⁶ Среди рабовладельцев, фигурирующих в «надписях серебряных фиал», встречаются и метеки. Но только в одном случае (IG, II/III², 1553, сткк. 24—24б) бывшим хозяином земледельца (*γεωργός*) Манеса назван Никий из Олифа, пользовавшийся в Афинах икотелией. Во всех остальных случаях вольноотпущенники метеков — ремесленники или торговцы (преимущественно мелкие — *κατήλοι*). В то время как дем вольноотпущенника и дем его бывшего господина, афинского гражданина, как правило, не совпадают, метек и его бывший раб в ряде случаев приписаны к одному и тому же дему (IG, II/III², 1554, сткк. 42—43; 1556, сткк. 39—41; 1557, сткк. 47—54; 1576, сткк. 57, 32—34), что, возможно, свидетельствует о деловой их близости.

в аренду легко осуществимой⁴⁷. А потребность в этом увеличивалась по мере ослабления традиционных связей афинских граждан с земледелием⁴⁸, что характерно для IV в. до н. э. Это проявлялось и в легком отношении к продаже своих земельных владений, даже исконных, наследственных⁴⁹, в рассмотрении земли как источника доходов, равноправного с другими способами инвестиции средств, и, наконец, в готовности полностью сложить с себя бремя каких бы то ни было забот, связанных с ведением хозяйства или даже наблюдением за ним. Разбросанность земельных владений богатых афинян в различных частях Аттики⁵⁰ была не только причиной, но и следствием подобного отношения. Она делала почти невозможным или во всяком случае чрезвычайно затрудняла личный надзор за хозяйством. Возможность сдать землю в аренду снимала всякие трудности такого рода. Купил участок, получил в наследство, в награду за что-либо, в уплату долга и т. д. — сразу же выступает удобная и легкая форма его использования — сдача в аренду (Lys., VII, 4 слл.).

Каковы же были условия аренды, ее сроки, права и обязательства арендаторов? К сожалению, для ответа на эти вопросы мало данных. В то время как для аренды общественных земель сохранился целый ряд документальных свидетельств, для частной аренды таких источников нет. Если эти сделки и оформлялись в письменном виде, что вполне вероятно, то это делалось не на камне, а на каком-либо непрочном материале, и поэтому эти документы не сохранились⁵¹. Археологические раскопки на территории Аттики, даровавшие столько новых и порой неожиданных находок, пока не порадовали нас открытиями в этой области⁵².

⁴⁷ Когда Глотц писал о трудности найти желающих взять частную землю в аренду (Le travail..., стр. 304 сл.; L'Histoire ancienne, т. III, стр. 10), он справедливо ссылался на присущее афинскому гражданину отвращение к зависимости от другого лица. Но он упустил из виду вольноотпущенников и метеков в роли арендаторов частной земли.

⁴⁸ Эренберг (V. Ehrenberg, The People of Aristophanes, 2 ed., Camb., 1951, стр. 90 слл.), правильно отмечая эту тенденцию, все же преувеличивает ее значение, когда пишет, что Аттика после Пелопоннесской войны не зависела от своего земледелия и могла скорее существовать без фермеров, чем без импорта. О наличии многих афинских граждан, не владевших землей в конце V в. до н. э., свидетельствует Dion. Hal. в Nuroth. к Lys., XXXIV. Однако это отражает обстановку сразу после опустошительной для аттического земледелия Декелейской войны, когда вдобавок вернулись домой клерухи, лишившиеся земли за пределами Аттики. Когда обстановка стабилизировалась, роль земледелия и землевладения снова возросла. Ср. Xen., Oec. XVI, 1 слл.; XX, 22 слл.; [Dem.], XLII, 31; Isa e., IX, 28; Helli., Охуг., XII, 5.

⁴⁹ Aesch., I, 97—99; Isa e., V, 37; VII, 40; Isocr., XVIII, 48, 60; XXI, 2, 4; [Lys.], VI, 48; XX, 23; XXXI, 14; Dem., V, 8; [Plut.], X orat. Vit. Mor. 850D.

⁵⁰ Isa e., XI, 41—42; [Dem.], XLIII, 69; L, 5; ср. H. Mitchell, The Economics of ancient Greece, Camb., 1940, стр. 43 сл.; Glotz, Le travail..., стр. 299 сл.

Подробная сводка материала об аренде общественных земель дается в статье В. Н. Андреева «Аттическое общественное землевладение V—III вв. до н. э.», ВДИ, 1967, № 2, стр. 67—74.

⁵¹ Ср. H. Volkstein, Economic Life in Greece's Golden Age, Leiden, 1958, стр. 30 слл.; J. H. Lipsius, Das Attische Recht und Rechtsverfahren, II, 2, Lpz., 1912, стр. 754; O. Schultheiss, Mithosis, RE, XV, 2 (1932), стб. 2099; Finley, Land and Credit..., стр. 24; Pringsheim, ук. соч., стр. 298, прим. 1. Глотц (Le travail..., стр. 204 сл.) на основании того, что не сохранились документальные источники о частной аренде, заключает, что это было редким явлением. Крупные землевладельцы предпочитали пользоваться рабским трудом, а мелкие, покидая свой земельный участок, охотнее продавали его, чем сдавали в аренду. Глотц игнорирует при этом обстоятельство, что и о применении рабского труда в хозяйствах крупных землевладельцев у нас очень мало данных.

⁵² Единственным известным на сегодняшний день документальным свидетельством аренды частного имущества в Аттике является фрагментированная надпись на черепке, изданная Спанто еще в конце XIX в. (E. Szantó, Zu Attischen Inschriften, AM, XIV (1889), стр. 137—145). Ввиду плохого состояния надписи ее содержание восстанавливается только по догадке. Издатель полагает, что речь идет о найме дома

Не сохранились свидетельства и о законах, которые регулировали бы аренду частной земли и домов⁵³. По-видимому, здесь действовал обычный для древней Греции принцип невмешательства государства в частную хозяйственную жизнь граждан. Вряд ли случайно то, что не дошло ни одной судебной речи, посвященной тяжбе между землевладельцем и арендатором. Нет и упоминаний о такого рода процессах. Очевидно, всякого рода конфликты между обеими сторонами разрешались на основе соглашения, с помощью арбитров, и своих прав добивались по обычному в Греции принципу *self-help*⁵⁴.

Почти нет данных и относительно размера арендной платы. Как уже упоминалось, Исократ (VII, 32) говорит, что некогда богатые афиняне сдавали землю беднейшим гражданам за умеренную плату, и противопоставляет это отношениям своего времени. Но в других источниках IV в. мы нигде не встречаемся с жалобами на высокую арендную плату и проявляющуюся в этом алчность богатых землевладельцев. Возможно, здесь просто отражался тот факт, что среди арендаторов частных земель было мало граждан.

В одной из речей Исея (XI, 42) говорится, что земельные владения во Фриасийской равнине, оцениваемые в 2,5 таланта, приносили в год 12 мин арендной платы. В то же время два дома — один в деме Мелите, другой в Элевсине, оценивавшиеся соответственно в 3000 и 500 драхм, приносили владельцу вместе 3 мины дохода в год. Таким образом, получается, что арендная плата за землю равнялась 8% ее стоимости, а за дома — 8,5%. Разумеется, и земли и дома могли быть разного качества и доходности. Известная нам плата при аренде общественных зданий и земли дает колебание от 7—8 до 12%⁵⁵. По-видимому, существовала некая средняя вели-

или отдельного жилья. В сткк. 4—5 говорится о возмещении ущерба в случае, если одна из сторон нарушит соглашение. Виновный должен заплатить вдвойне.

⁵³ Относительно сдачи в аренду священных земель, принадлежавших государству или контролировавшихся им, существовали строгие правила (*Arist., Ath. Pol.*, 47, 4); что же касается земель, принадлежавших филам, фратриям, демам или каким-либо объединениям граждан, то там не было обязательного, навязанного сверху порядка сдачи в аренду земель; как видно из сохранившихся документов (например, IG, II/III², 2498 (20-е гг. IV в. до н. э.) — правила сдачи в аренду имущества дема Пирей), каждый коллектив сам для себя определял правила, которым должны были подчиняться недавние общим имуществом должностные лица. В сохранившихся договорах об аренде общественных земель мы видим разнообразие условий в отношении сроков (от 10 лет до наследственной «вечной» аренды), предоставления гарантий (иногда она требуется в виде имущества арендатора — так, по правилам дема Пирей это было обязательно, если сумма арендной платы превышала 10 драхм; иногда довольствовались личным поручительством третьего лица — в том же деме Пирей при арендной плате до 10 драхм; иногда обходились без того и другого — например, IG, II/III², 1241, 2499, 2501).

⁵⁴ В документах об аренде общественных земель иногда указывается, какие меры в праве принять владелец земли или арендатор в случае нарушения другой стороной ее обязательств. Как правило, обращение в государственные инстанции не предусмотрено. За несоблюдение арендатором условий договора его можно лишить аренды (например, IG, II/III², 2496, сткк. 19—20), в случае задолженности — взыскать вдвойне или захватить его имущество (IG, II/III², 2492, сткк. 7—9). Арендатору, с другой стороны, гарантируется прочность сделки в пределах договорного срока, а в случае нарушения этого он получает денежную компенсацию (IG, II/III², 2496, сткк. 21 сл.).

⁵⁵ В документах о сдаче в аренду общественной земли и домов указываются, разумеется, суммы арендной платы. Они колеблются от смехотворно малой цифры — 10 драхм (IG, II/III², 2498) до 600 драхм (IG, II/III², 1241) и выше. Однако определить ставки арендной платы можно лишь в тех редких случаях, когда указывается ценность арендуемого имущества. Так, в документе середины IV в. до н. э. об аренде нескольких строений в Пирее, сдаваемых группой лиц, обозначенных как *peritai* Κοῦρηίων, арендная плата равна 54 драхмам в год, а эйсфора с этого имущества взимается из расчета его оценки в семь мин (IG, II/III², 2496 = Syll.³, 1216). Это дает соотношение 7,7%. В арендном договоре фратрии Диалиев (300/299 г. до н. э.) земельный участок, который сдан в аренду за 600 драхм в год, оценивается в 5000 драхм. Здесь арендная плата равна 12% (IG, II², 1241). Арендатору или его наследникам дается право в те-

чина, вокруг которой колебались в зависимости от конкретных условий ставки арендной платы.

Здесь следует отметить важную и характерную для греческой экономической жизни черту.

Аренда государственных и общественных земель, в отличие от земель частновладельческих, не считалась делом зазорным. Там в роли арендаторов выступают, как правило, граждане, порой даже весьма влиятельные лица⁵⁶. Мы не знаем, возбранялось ли законом сдавать в аренду общественные земли негражданам, но в ряде случаев там требовалась гарантия в виде недвижимого имущества, что механически исключало неграждан. Иногда в сохранившихся правилах сдачи в аренду имущества того или иного дема говорится о необходимости представить поручителя, который гарантировал бы выполнение арендатором его обязательств. Теоретически в этих случаях не исключались арендаторы-неграждане. Тем не менее среди сохранившихся имен лиц, арендовавших общественное имущество, только один раз появляется метек в роли арендатора одного из шести домов Афины Полиады⁵⁷.

Среди известных нам арендаторов общественной земли нет ни одного негражданина. Ввиду того, что аренда общественного имущества не считалась зазорной для гражданина и что условия там были, по-видимому, более льготными, чем при аренде частновладельческих земель⁵⁸, эта сфера деятельности была если не *de iure*, то *de facto* закрыта для неграждан. Зато у них была возможность легко и беспрепятственно арендовать частные зем-

чение десятилетнего срока аренды купить арендуемую ими землю за 5000 драхм. По всей вероятности, здесь речь идет об очень доходном имуществе, чем можно объяснить сравнительно высокую ставку арендной платы. О размерах арендной платы ср. Schultheiss, ук. соч., стб. 2085, 2110; G. Busolt — H. Swoboda, Griechische Staatskunde, I, Münch., 1920, стр. 199.

⁵⁶ Так, в роли арендатора плодородной земли в Элевсине в 329/8 г. выступает известный оратор Гиперид (IG, II/III², 1672, стк. 253), который был богатым человеком и имел свои собственные земли ([Plut.], X orat. Vit. 849D). Некий Ксантипп в середине IV в. до н. э. получает в наследственную аренду земельный участок дема Титры в благодарность за оказанные ему услуги (A. Wilhelm, Attische Pachturkunden, III, APF (1935), XI, стр. 189—200). Это явно состоятельный человек. Такие люди, разумеется, сами не занимались хозяйством на арендованном участке. Здесь мог применяться труд рабов или субаренда, возможно, в какой-либо завуалированной форме. Прямых свидетельств о субаренде в Аттике IV в. у нас нет. Но в упомянутом выше документе фратрии Диалиев (IG, II/III², 1241, стк. 49) арендатору и наследнику запрещается заключать с каким-либо третьим лицом соглашение относительно арендуемой земли (μη εἶναι Διοδώρου μηδὲ τῶν Διοδώρου μηθεῖν συμβόλαιον πρὸς τὸ χωρίον τοῦτο μηδέν). Здесь могла подразумеваться и субаренда.

⁵⁷ IG, II/III², 1590, сткк. 5—7. Арендуемый дом находится в Кидафинах, к этому же дему приписан и арендатор-метек ([ε]ν Κυδαθηναίων οἰκῶν). Поручителем является афинский гражданин из этого же дема. Не говорит ли это, что право метеков на аренду общественного имущества ограничивалось демом, в котором он числился? Осна аренду общественного имущества ограничивалось демом, в котором он числился? Осна тальные пять арендаторов — афинские граждане. Все они, кроме одного, равно как и их поручители, — из других демов. Любопытно, что в надписи указано не только имя, но и отчество арендующего дом метека. Как правило, в официальных документах отчество метеков не указывалось. Аналогичный случай встречается в IG, II/III², 1556, сткк. 39 сл., где метек Антигон, сын Эпигена, посвящает богине Фялу за своего вольсткк. Возможно, что так обозначались метеки, жившие в Афинах уже во втором поколении.

⁵⁸ Так, срок аренды общественных земель был не меньше 10 лет (Ath. Pol. 47, 4; IG, II/III², 334, 1241, 2493, 2498, 2499), иногда — значительно более долгим (Epigraphica, I, № 43—30 лет; IG, II/III², 2492—40 лет), вплоть до наследственной («вечной») аренды (Epigraphica, I, № 41; IG, II/III², 2497, 2501). Аренда же частновладельческой земли была краткосрочной. Это видно и из рассмотренных выше свидетельств Лисия (VII, 4—11) и из замечания Сократа у Ксенофонта (Sympr. VIII, 24), что арендатор земельного участка заботится не о том, чтобы повысить его ценность, а о том, чтобы самому собрать как можно больший урожай. Такое отношение правомерно при кратких сроках аренды.

ли⁵⁹. Там, вероятно, не требовалось ни гарантии в виде имущества, ни личного поручительства. Последнее, правда, не исключалось для метеков или вольноотпущенников, но все же было ограничивающим фактором — ведь поручитель должен был быть гражданином и притом имущим.

При том, что социальный состав арендаторов общественных и арендаторов частных земель был различным и что сроки в первом случае были более длительными, надо полагать, что ставки арендной платы для той и другой категории земель исчислялись на основе примерно одинаковых критериев. Как уже было сказано, немногочисленные данные, позволяющие судить о соотношении арендной платы и ценности арендуемого имущества, показывают колебания в пределах некоего среднего уровня. В пользу того, что принципиального различия в ставках не должно было быть, косвенно говорит, например, то, что при оплате сдельной или поденной работы на государственном строительстве плата была одинаковой независимо от того, кто выполнял работу — раб, метек или гражданин⁶⁰.

По-видимому, аналогичный принцип проявлялся и при аренде земли — размер арендной платы определялся стоимостью и степенью доходности объекта. Разумеется, могли существовать условия более льготные и менее льготные, но не это определяло общую тенденцию.

Поскольку аренда частных земель строилась на основе свободного соглашения сторон, их взаимные обязательства контролировались и гарантировались обычными законами о сделках между частными лицами⁶¹. Отношения здесь, разумеется, были гораздо проще, чем при торговых операциях: все на виду, меньше возможностей для обмана, почти исключены неожиданности⁶². Может быть, этим объясняется отсутствие прямых свидетельств о судебных тяжбах в связи с арендой земли⁶³. Кратковременная аренда с экономической точки зрения была невыгодной для обеих сторон. Арендатор не был заинтересован в том, чтобы вводить какие-либо улучшения в хозяйство, и качество обрабатываемого участка не повышалось⁶⁴. Правда, не исключена была возможность продления аренды на новый срок при желании обеих сторон. В условиях Аттики IV в. до н. э. краткосрочная аренда была проявлением неустойчивости и мобильности земельной собственности, которая легко могла быть отчуждена (в результате продажи или залога)⁶⁵. Землевладельцу, сдававшему

⁵⁹ Финли (Land and Credit..., стр. 77) говорит о правовом барьере, который существовал между метеками и земельной собственностью. Единственной возможностью преодоления его была для них аренда земли и домов, но только с участием гражданина-поручителя. Он, разумеется, прав в отношении земельной собственности и аренды общественных земель, но недоучитывает доступности и распространенности аренды частных земель.

⁶⁰ См., например, IG, I², 373 — 374; IG, II/III², 1672.

⁶¹ В судебных речах неоднократно упоминается закон о правомочности соглашений, заключенных частными лицами: [Dem., XLVII, 77; XLVIII, 11, 54; Dem., LVI, 2; Nureg., C. Athen., с. VI, 13. Ср. Lipsius, AR, стр. 684 сл.]

⁶² В договорах об аренде общественной земли иногда предусматривается возможность неожиданного ущерба в результате вражеского вторжения, например в договоре 345/4 г. о долгосрочной (40 лет) аренде земли дема Эксоне (IG, II/III², 2492), или в Титры (APF, XI (1935), стр. 189 сл. = Epigraphica, I, № 41). Это было, по-видимому, данью беспокойному времени.

⁶³ Историки греческого права полагают, что конфликты, связанные с арендой земли, могли привести к *δίκη βλάβης* со стороны арендатора и *δίκη ἀγροῦ* или *ἀρελίου* со стороны землевладельца. Ср. Lipsius, AR, стр. 658 сл., 758.

⁶⁴ О том, что аренда рассматривалась как невыгодная форма эксплуатации земли, свидетельствует Ксенофон (Xen., Symp. VIII, 24). Ср. Dem., LV, 4, 11. Ксенофон, как известно, и в других сочинениях ратовал за интенсивное хозяйство, за улучшение качества земельных угодий (Оес. XX, 22). Однако вряд ли его суждения, особенно в Домострое, могут считаться типичными для афинского землевладельца.

⁶⁵ Lus., VII, 4—11; XVII, 5, 8, Xen., Vect. IV, 6; [Dem., XLIX, 11—12; Dem., L, 7, 28, 61; LIII, 10.]

свою землю в аренду, не имело смысла связывать себя долгосрочными обязательствами. Досрочное аннулирование арендного договора со стороны землевладельца было, по-видимому, наказуемым деянием⁶⁶.

Во всяком случае в имеющихся источниках нет никаких данных о том, что арендаторы земли в Аттике IV в. страдали от произвола землевладельцев. В то же время, как уже было сказано, отсутствуют свидетельства о каких бы то ни было затруднениях землевладельцев, желавших сдать свои земли в аренду.

Особое место среди аренды частновладельческого имущества занимает аренда сиротского имущества, находившегося под опекой, так называемая *μισθωσις οἴκου*⁶⁷. По афинским законам опекун или опекуны имели право или сами управлять доверенным им имуществом малолетних наследников, или сдавать его в аренду другим лицам. Поскольку здесь затрагивались интересы сирот, такого рода операции находились под контролем архонта — эпонима⁶⁸. В этом случае арендатор обязательно должен был представить гарантию в недвижимом имуществе (*ἀποτίμητρα μισθώσεως οἴκου*). Естественно, что в составе арендуемого имущества сирот могли быть и часто были земли. Таким образом, и здесь перед нами одна из форм частной земельной аренды. Свидетельств с ней гораздо больше, чем об обычной аренде⁶⁹. Это объясняется тем, что сиротское имущество находилось под контролем государства и что на имуществе, гарантирующем интересы подопечных, обычно ставились закладные камни — *hogoi*⁷⁰. Такого рода арендой не гнушались состоятельные и влиятельные граждане. В пределах известного срока они пользовались полной хозяйственной самостоятельностью и избавлены были от мелочного контроля.

Так как при сдаче в аренду сиротского имущества оно не дробилось, а сдавалось целиком⁷¹, и при этом требовалась соответствующая полноценная гарантия⁷², то в роли арендующих здесь могли выступать только

⁶⁶ В договоре об аренде эргастерия и группы строений в Пирее предусмотрен штраф с владельцев в случае, если они лишат прав арендатора при соблюдении им своих обязательств (IG, II/III², 2496). В других известных договорах об аренде общественного имущества санкции против владельца не предусмотрены, но права арендатора гарантировались установкой одной или двух стел с текстом договора — обычно в каком-либо святилище.

⁶⁷ См. Schulthess, ук. соч., стб. 2111—2129; А. Придик, Шестая речь Исея, Юрьев, 1902, стр. 284 сл.; Fine, ук. соч. стр. 96, 101—115; Finley, Land and Credit..., стр. 40—43; Lipsius, AR, стр. 346—348.

⁶⁸ Arist., Ath. Pol., 56, 7; Lys., XXVI, 12; Aesch., I, 158; Dem., XXXV, 47.

⁶⁹ Кроме многочисленных упоминаний о *μισθωσις οἴκου* в судебных речах (например, Isaе, II, 9; V, 11, 22, 35; VI, 36; XI, 34; Lys., XXXII, 23; Dem., XXVII, 40, 58 сл., 64; XXVIII, 1, 7; XXIX, 29, 60; XLIX, 11), этот тип аренды зафиксирован в множестве *hogoi* — свидетельств о гарантиях со стороны лица, арендовавшего сиротское имущество (IG, II/III², 2642—2657; Fine, ук. соч., стр. 96—115; Finley, Land and Credit..., стр. 38—43; 233—239). Таким образом, для этого типа аренды мы располагаем не только литературными, но и эпиграфическими источниками, правда, столь бедными по содержащемуся в них информационному материалу, как *hogoi*.

⁷⁰ На этих *hogoi* указывалось обычно, какое имущество является гарантией и кому дана гарантия. К сожалению, не указывается сумма, например IG, II/III², 2642: *ὑπὸς χωρίου ἀποτίμητρατος Θεαιήτου πατρὸς Κηφισοφώντι Ἐπιχρησίω* — закладной камень земельного участка, заложенного Кефисофону, сыну Теэтета, из дема Эпикефисия. Ср. Fine, ук. соч., стр. 28—29. Таких *hogoi* известно сейчас для Аттики около 30. (Файн (стр. 96) говорит о 27, но с тех пор опубликован ряд новых).

⁷¹ Хотя по вопросу о том, можно ли было сдавать в аренду сиротское имущество по частям или только целиком, существуют различные мнения, но подавляющее большинство исследователей полагают, что разрешалось сдавать только все целиком.

⁷² Нагросс. s. v. *ἀποτίμητραί*: «Те, которые брали в аренду сиротское имущество, предоставляли архонту гарантию за аренду: архонт должен был послать людей для оценки даваемого в гарантию имущества». Ср. Fine, ук. соч., стр. 101. Естественно, оценка даваемого в гарантию имущества должна была по ценности соответствовать сиротскому. Вряд ли до-

состоятельные люди⁷³ и к тому же только те из них, кто владел достаточным для гарантии недвижимым имуществом⁷⁴. Таким образом, из сферы этих отношений исключаются как беднейшие граждане, так и метеки⁷⁵.

В то же время богатые афиняне, бравшие в аренду сиротское имущество, могли эксплуатировать его удобным для них способом — возделывать с помощью своих рабов, пользоваться наемным трудом, передавать в обработку мелким арендаторам; формы их пользования этим имуществом никак не регулировались и не навязывались извне. Они отвечали лишь за своевременную уплату процентов и возвращение в срок основной суммы.

Арендаторы сиротского имущества не обязаны были сохранить его в том виде, в каком получили. Они должны были по истечении срока вернуть не само имущество, а его стоимость согласно произведенной при заключении договора оценке. Так, в упоминавшейся речи Исея (II, 29) Менекл для расплаты с сиротой продал свой земельный участок и из вырученных 70 мин отдал 67 в счет долга и процентов (§ 28 ... *τοκοὶ δὲ πολλοῦ χρόνου συνεφέρεταις ἦσαν*). Здесь нет и речи о возврате арендованного имущества в его первоначальном виде. Это лишний раз подтверждает мобильность земельной собственности в Аттике IV в. до н. э. Земля в данном случае выступает только как разновидность имущества, которое легко можно обратить в наличные деньги.

Свидетельства об аренде сиротского имущества ввиду его пестрого состава и специфики складывавшихся здесь отношений мало что дают для

вольствовались при этом гарантией только процентов, как считал, например, Боше (L. Beauchet, *Histoire du droit privé de la république athenienne*, II, P., 1897, стр. 254 сл.) Правильнее судит Файн (ук. соч., стр. 102—105). Наследство могло состоять и из движимого и из недвижимого имущества и, несмотря на контроль, возможно-срок аренды — длительным. Об отсутствии достаточного регулярного контроля свирендовал имущество детей Никия. Он в течение долгого времени не платил процентов, а когда настало время окончательной расплаты, вынужден был для этого продать свой земельный участок. Таким образом, неуплата процентов не привела к каким-либо санкциям и лишению его прав аренды. Однако же по истечении срока, очевидно совпадавшего с совершеннолетием сирот, арендатор сам, без вмешательства суда изыскивает средства для окончательного расчета. Оно и понятно: поскольку сироты находились под особой защитой государства, нанесение ущерба их интересам грозило суровым наказанием. Правда, судя по судебным речам, опекуны, не сдавая в аренду сиротское имущество и сами управляя им, часто злоупотребляли своими правами и после многих отцовского наследия с полученными за время опеки доходами. Об этом наглядно против Диогитона (XXXII) и др.

⁷³ То, что арендовать сиротское имущество можно было сообща (Isae, II, 9... *μετασχών τοῦ οἴκου τῆς μεθόσεως τῶν παίδων τοῦ Νικίου*) делало теоретически возможным участие в этом и менее состоятельных граждан. Однако вряд ли богатый компаньон стал бы брать на себя материальную ответственность за аренду без каких-либо особых оснований. Разумеется, доли компаньонов могли быть различными. Однако о бедо-об обязательствах Менекла перед сиротой (τῶν ὄρφανῶν τὸ ἀρχαῖον ἀπέδοκεν... ἐδῆν τῶν ὄρφανῶν τὰ χρέη ἀποδοῦσθαι. Выше (§ 9) о сиротах говорится во множественном числе (τῶν παίδων). Возможно, в аренду сдавались наследственные доли каж-

⁷⁴ Гарантией, естественно, могло служить лишь недвижимое имущество, тем более, что предписывалось установление *horoí*. [D e m.], XLIX, 11. Ср. F i n e, ук. соч., стр. 102 сл.

⁷⁵ Разумеется, те немногие привилегированные метеки, которые имели право *ἔχρησας* и в силу этого владели недвижимым имуществом, могли тоже участвовать в таком рода сделках. Но число таких метеков в IV в. было невелико. Ср. F i n l e y, *Land and Credit...*, стр. 60, 76, 89, 259, прим. 103, 276, прим. 8; F i n e, ук. соч., стр. 204; P. G e r h a r d t, *Die attische Metroikie im vierten Jahrhundert*, Diss., Königsb., 1933, стр. 71; J. D a y, *An Economic History of Athen under Roman Domination*, N. Y., 1942, стр. 16—17; P e ě r k a, ук. соч., стр. 183—201.

характеристики обычной аренды частновладельческих земель. Важно то, что здесь проявляется сам факт широкого распространения аренды и легкости отчуждения земельной собственности в Аттике IV в. до н. э.

Отсутствие документальных источников об обычной аренде частной земли и весьма скудные свидетельства о ней в литературных памятниках лишают нас возможности выяснить детали связанных с этим взаимоотношений. Однако и на данном уровне наших знаний представляется возможным сделать следующие выводы.

Аренда частновладельческой земли, распространенная в Аттике по крайней мере с последней четверти V в. до н. э., была, как правило, краткосрочной. Ни арендатор, ни землевладелец не связывали себя долготелными обязательствами. Иногда участок, сдававшийся в аренду, возвращался затем в руки владельца, который мог использовать для обработки рабский труд. Краткосрочность аренды и частая смена арендаторов при отсутствии свидетельств о затруднениях при желании сдать в аренду говорят о наличии постоянного резерва людей, готовых взять в обработку чужую землю. Землю в аренду сдавали те афиняне, у которых было несколько земельных участков, расположенных, как правило, в различных частях Аттики, или люди, желавшие освободить себя от забот о земле для других видов хозяйственной деятельности или для активного участия в политической жизни. В роли арендаторов частной земли выступали беднейшие граждане, вольноотпущенники из рабов, и прежде связанных с сельским хозяйством, и, возможно, приезжие метеки.

Аренда в IV в. не носила кабального характера. Она строилась на основе свободного соглашения сторон. Государство не вмешивалось в отношения между арендатором и землевладельцем, споры их разрешались на основе законов о частных соглашениях, скорее всего при помощи распространенного в Аттике арбитража. По аналогии с договорами об аренде общественных земель можно полагать, что арендатору гарантировалось сохранение за ним аренды на договорный срок в случае выполнения им своих обязательств. Разумеется, у землевладельца в силу его прав собственника были преимущества перед арендатором. Действительное или вымышленное невыполнение арендатором договора влекло за собой сгон его с земли. На невыполнение землевладельцем его обязательств (предоставление арендатору возможности беспрепятственно возделывать землю в течение договорного срока) арендатор мог реагировать лишь обращением в третью инстанцию. При этом граждане-арендаторы были, если не *de iure*, то *de facto* в лучшем положении, чем вольноотпущенники и метеки.

Метеки и вольноотпущенники, обозначаемые в надписях как *γεωργοί*, скорее всего были профессиональными арендаторами. Рабы — *γεωργοί*, вырвавшиеся на свободу, это сельскохозяйственные специалисты, работавшие у своего хозяина или подрывавшиеся выполнять какие-либо работы у других афинян и приносившие господину доход в форме *ἀποφορά*.

Вовлечение негражданского населения в сферу активной самостоятельной производственной деятельности в области земледелия, засвидетельствованное с конца V в. до н. э. и все более прогрессирующее в дальнейшем, является серьезным признаком углубляющегося кризиса политической системы, основанной прежде всего на принципе: гражданин — земля, земля — гражданин. Сдача земли в аренду негражданам еще не означала, разумеется, отказа граждан от своего исключительного права владеть землей. Но сам факт передачи земли для активного и самостоятельного распоряжения ею посторонним людям без вмешательства в хозяйственный процесс самого владельца или его доверенного лица ослаблял исконную связь афинян с земледелием и готовил почву для разрыва этой связи, значительно облегчая его. Не случайно в это же время появляются

факты дарования отдельным метекам и иноземцам и даже целым группам иммигрантов, оказавших услуги афинскому государству, права владеть недвижимостью на территории Аттики (*γῆς καὶ οἰκίας ἐγκτησις*)⁷⁶.

Если распространение права *ἐγκτησις* свидетельствует об ослаблении связи гражданских прав с земельными владениями, то еще более серьезным симптомом кризиса полисной системы было то, что и сами гражданские права начинают в это время терять свою исключительность⁷⁷.

Отношения, связанные с арендой частновладельческой земли, являются составной частью тех глубоких процессов, которые характерны для экономической и социальной жизни Аттики IV в. до н. э., где постепенно и неуклонно подтачивались основные основы классической полисной системы.

THE RENTING OF LAND IN FOURTH-CENTURY ATTICA

by L. M. Gluskina

The literary and epigraphical evidence on the renting of land in Attica in the fourth century B. C. shows that while the lessees of public land were as a rule, if not exclusively, citizens, a large proportion of those who rented private land were metics and freedmen, especially the latter. In view of the well known repugnance felt by Athenian citizens for occupations involving economic dependence on private individuals, resort by citizens to renting private land could only result from great need. On the other hand, the absence of any difficulties in renting out land argues the presence of a constant reserve of potential lessees. The reserve was maintained by the continual addition to it of former agricultural slaves who had managed to purchase their freedom. The *γεωργοί* mentioned in inscriptions containing lists of metics and freedmen (IG, II/III², 10, 1553—1578 + Hesperia, XXVIII, 1959, pp. 208—238) were probably professional tenants of this sort. Although the conditions for leasing private land were more onerous than those for leasing public land, the renting of land in fourth century Attica was not accompanied by shackling terms. The involvement of non-citizens in independent production activities in the sphere of agriculture attests the weakening of the traditional close relationship between the citizen and the land and is a serious symptom of the deepening crisis of the polis as a whole.

⁷⁶ См. IG, I², 68/9 + Hesp., XIV (1945), № 9, стр. 105 сл. = SEG, X, 81; IG, I², 83, 110; IG, II/III², 206, 237, 373, 545, 706, 732, 786, 801, 810, 835, 862, 947, 1283; ср. F. Thalhheim, s. v. *ἐγκτησις*, RE, V (1905), стб. 2584; A. Wilhelm, Vier Beschlüsse der Athener, «Abh. d. Preuss. Ak. d. Wiss., Phil.-Hist. Kl.» (1939), № 22, В., 1940, стр. 17—24; Finley, Land and Credit..., стр. 60, 76, 89, 246, 259; Реџірка, ук. соч., стр. 197 сл.; он же, The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions, «Acta Universitatis Carolinae, Philosophica et Historica», Monographia XV, Praha, 1966; Файн (ук. соч., стр. 204 сл.) считает право *ἐγκτησις* фактором, способствовавшим отказу от неотчуждаемости земли в Аттике. В действительности, здесь отношение обратное: предоставление права *ἐγκτησις* свидетельствует об уже существующей возможности отчуждения земли, хотя бы и с некоторыми ограничениями. Ср. Реџірка, ук. соч., стр. 200.

Более широкое распространение права *ἐγκτησις* позднее, в последней четверти III в., привело к попыткам ввести ограничения. Когда в 229 г. до н. э. был удален македонский гарнизон и восстановлена независимость Афин, пересмотрен был закон о земельных владениях иноземцев в Аттике в сторону ограничения и стоимости их и локализации; ср. Дау, ук. соч., стр. 15.

⁷⁷ Если даже и считать риторическими преувеличениями жалобы некоторых ораторов IV в. до н. э. на проникновение в списки граждан многих чужаков (Isocr., VIII, 50, 88—89; Andoc., I, 149; II, 23), то все же можно полагать, что некоторые основания для таких заявлений имелись. Число свидетельств о даровании гражданских прав возрастает с конца V в. до н. э. См., например, Did., V, 46; Нурер., C. Athenog. c. XVI, 33; Syll. ³, 116, 127, 548; IG, I², 110; № 378 + Hesp., IV (1935), стр. 173—174, № 38; Hesp., XXX (1961), стр. 210, № 5. В период углубляющегося кризиса полиса появляются симптомы того процесса, который в последующие столетия примет уродливые формы продажи за деньги гражданских прав (Did. Cassius, LIV, VII, 2; ср. Дау, ук. соч., стр. 127, 170—171). Подобные факты и для более раннего периода засвидетельствованы для других греческих государств, например, Византия ([Arist.], Оес. II, 3, 1346b).

С. С. Аверинцев

К ПОНИМАНИЮ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО СТИЛЯ ПЛУТАРХА

Для того, чтобы уяснить себе писательскую позицию того или иного автора, необходимо иметь в виду его жизненную позицию, структуру его социального бытия. Применительно к Плутарху это общее положение приобретает особую важность. Для него характерно постоянное стремление как можно теснее переплести свое литературное творчество со своей жизнью вплоть до самых частных и бытовых ее сторон. Плутарх любил свою биографию и охотно вводил изложение ее эпизодов в свои сочинения — в том числе и в «Параллельные жизнеописания», тема которых, казалось бы, мало к этому располагает. По меткому замечанию Евнация (*Vitae soph.*, прооет., р. 454, *Voissonade*), «божественный Плутарх излагает свое жизнеописание в разрозненном виде в своих сочинениях». Постоянные действующие лица его диалогов¹ — его дед Ламприй, его отец Автобул, его братья Ламприй и Тимон, его сын Автобул, его близкие друзья Филин, Соклар, Сарацион и др. Эта черта творчества Плутарха, как мы увидим, не может быть отнесена только за счет его душевного склада; мы встречаемся здесь с сознательной установкой. Плутарх последовательно культивировал определенный образ жизни; его литературная деятельность в его собственных глазах представляла нечто относительно второстепенное и непременно соотносилась с этим образом жизни. Еще для поэта VI века Агафия Схоластика «жизнь» Плутарха — это некоторая самостоятельная ценность, независимая от его творчества: упомянув в одной из своих эпиграмм (*Anth. Pal.* XVI, 31) в связи с описанием статуи Плутарха о его «Параллельных жизнеописаниях», Агафий замечает, что к своей собственной жизни Плутарх никак не смог бы приискать «параллельную», ибо она единственная в своем роде. Еще в памяти современников Юстиниана Плутарх был человеком, достойным упоминания не только за то, что он писал, но и за то, как он жил.

Разумеется, систематический анализ данных о биографии Плутарха в рамках настоящей статьи невозможен. Здесь придется ограничиться указанием лишь на те важнейшие моменты общей картины его жизни, без которых нельзя понять его творчество.

1. Время жизни. Годы рождения и смерти Плутарха неизвестны. Вероятнее всего, что родился он в 40-е годы I в. н. э.² Юношей в

¹ Особенно наглядный пример — «Пиршественные вопросы».

² K. Ziegler, *Plutarchos von Chaironeia* (RE, XLI Hbd., Stuttg., 1951, стб. 636—962), стб. 639 сл.